

УДК 27-76(470.4)"18/19"

**МИССИОНЕРСКИЕ ДНЕВНИКИ Е.А. МАЛОВА:
РЕАЛИЗАЦИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ В ПОВОЛЖЬЕ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

А.В. Крестьянинов

Аннотация

В статье исследуются взгляды миссионера Е.А. Малова на реализацию религиозной политики в Поволжье в позднеимперский период на основе его неопубликованных дневников. Миссионерские дневники показывают эволюцию представлений казанского миссионера о религиозной политике, а также отражают противоречивые интерпретации системы Н.И. Ильминского, существовавшие в светских и церковных кругах российского общества. На материале этих дневников можно проследить, как подходы к конфессиональной политике зависели от дискуссий о необходимости русификации православного нерусского населения Поволжского региона Российской империи.

Ключевые слова: Е.А. Малов, система Н.И. Ильминского, религиозная политика, миссионерские дневники, крещеные инородцы, миссионерская политика.

Религиозная политика в Поволжье в имперский период Российского государства являлась одним из важных инструментов интегрирования многочисленного инородческого населения региона и управления им. Характер конфессиональной политики правительства на протяжении всего этого времени оценивается в российской и зарубежной историографии как неоднозначный и противоречивый. Интерпретации различных аспектов данной проблемы варьируются в зависимости от политического и социокультурного контекста, а также от развития методологического аппарата исторических исследований, что отражено в названиях этого явления: «цивилизационная» политика, национальное угнетение, инструмент классовой эксплуатации и т. д. Несмотря на это, в историографии сложились определенные тенденции и направления, в рамках которых проходят исследования данной проблематики. Работы последних лет показывают, что основной акцент делается на анализе административных практик управления конфессионально разнообразным населением. В результате привлечения ранее не опубликованных источников историкам удалось описать противоречия в проведении религиозной политики среди мусульманского населения Поволжья в XVIII – XIX вв. [1, 2], причины массового отступничества крещеного населения в регионе [3] и проблемы национальной и религиозной самоидентификации русского и инородческого населения [4].

Действительно, на данном этапе развития историографии преобладают макроисследования административных структур управления и форм взаимоотношений

между светскими и духовными властями и поликонфессиональным населением Поволжского региона. Тем не менее можно однозначно утверждать, что еще недостаточно исследована роль отдельных акторов в реализации религиозной политики в Поволжье в XVIII – XIX вв., а именно их интеллектуальная биография, особенности субъективного восприятия религиозной политики государственной властью. Так, одним из историографических пробелов является отсутствие комплексного изучения наследия казанского миссионера и полемиста Евфимия Александровича Малова (1835–1918). Некоторые аспекты миссионерской деятельности Е.А. Малова были проанализированы американским историком Р. Джераси [4] и российским исследователем Р.Р. Исхаковым [2]. Прежде всего данные историки представили Е.А. Малова как одного из церковных лидеров, выступающего против системы Н.И. Ильминского в дискуссиях о национальной идентичности в позднеимперский период Российского государства.

Однако, на наш взгляд, недостаточно изучена эволюция представлений Е.А. Малова о реализации религиозной политики и системы Н.И. Ильминского. Изменение взглядов казанского миссионера – один из примеров того, что в церковных кругах Казанской губернии вопрос о русификации и национальной идентичности не избегался, а, наоборот, активно обсуждался.

Основным источником нашего анализа являются неопубликованные миссионерские заметки Е.А. Малова, которые описываются самим автором следующим образом: «Миссионерские заметки» (1861–1871, 1879–1881, 1884–1885, 1885–1888, 1900–1902), «Миссионерские беседы с мухаммеданами» (1902–1903, 1903–1905, 1905 и 1909), «Миссионерские заметки по мухаммеданству и о язычниках» (1907–1912). Несмотря на различия в названиях данных заметок, они представляют собой единый источниковый комплекс – дневники миссионера, которые он вел на протяжении всей своей жизни.

Репрезентативность наблюдений Е.А. Малова заключается в том, что он сам принимал непосредственное участие в реализации религиозной политики в Поволжье. Он являлся не только преподавателем Казанской духовной академии на кафедре противомусульманских предметов, но и привлекался в качестве миссионера в отпавшие приходы в 1866 г. (I) и 1881 г. (II). Помимо этого, опубликованные работы Е.А. Малова свидетельствуют о его практическом интересе к исламскому вероучению [5] и отступническим движениям в Поволжье [6]. Таким образом, можно утверждать, что дневники были написаны профессиональным миссионером, который был лично заинтересован в успешной реализации религиозной политики в регионе.

В современной историографии отмечается, что Е.А. Малов стал неофициальным оппонентом системы инородческого образования после смерти Н.И. Ильминского. Действительно, в его поздних миссионерских дневниках содержится немало критических оценок системы Н.И. Ильминского. Тем не менее ранние дневниковые записи показывают, что он являлся ее сторонником. В то же время данный источник указывает на то, что дискуссия вокруг наследия Н.И. Ильминского была вызвана в основном противоречивыми интерпретациями образовательной системы чиновниками и церковными деятелями.

Безусловно, развитие религиозной политики в Поволжье связано с распространением упомянутой образовательной системы Н.И. Ильминского, явившейся

реакцией на массовые отпадения новокрещенных от православия во второй половине XIX в. Миссионеры и церковные историки сделали вывод, что одной из главных причин апостазий являлось непонимание инородцами христианского вероучения. Система Н.И. Ильминского, основанная на переводах богослужебной литературы на инородческие языки и на назначениях священников непосредственно из среды крещеных инородцев, стала определенным решением проблемы вероотступничества. В своих опубликованных работах Н.И. Ильминский описывал собственную систему как религиозную, имеющую цель укрепления православного самосознания крещеного нерусского населения для предотвращения отпадений новокрещенных в ислам [7]. Тем не менее он не отрицал и фактов русификации инородческого населения после сознательного освоения ими христианского вероучения [7, с. 34]. При этом он рассматривал русификацию как проект, в котором православная христианская религия является основанием для аккультурации и/или ассимиляции крещеного нерусского населения. Идея о роли православной религии в русификации инородцев была широко распространена среди дореволюционных российских интеллектуалов и в народной литературе [8, р. 214].

В условиях роста национализма в империи в конце XIX – начале XX в. стали появляться противоречивые интерпретации системы Н.И. Ильминского. Одни историки и интеллектуалы продолжали рассматривать ее как русификаторский проект, другие – как проект формирования национального самосознания крещеного нерусского населения. Возможно, эти противоречивые трактовки стали следствием того, что религия, в частности православие, перестала восприниматься как ключевой фактор определения идентичности, а все большее значение уделялось роли русского языка как унифицирующего принципа. Эти сдвиги нашли отражение и в миссионерских дневниках Е.А. Малова, если рассматривать их в контексте трансформации взглядов автора на религиозную и образовательную политику

Ранние дневниковые записи, особенно 60–70-х годов XX в., свидетельствуют о безусловной поддержке Е.А. Маловым методов инородческого образования, в частности он указывает на необходимость переводов книг на инородческие языки и важность преподавания на родном для обучающихся языке. Миссионер считал, что образование должно быть религиозным и служить для укрепления православного самосознания новокрещенных: «Школа для детей крещеных инородцев есть первый, надежный и верный путь к утверждению инородцев в христианстве» (III, л. 2). В эти же годы миссионер опубликовал статью о новокрещенских школах в XVIII в., в которой раскритиковал обучение инородцев на русском языке. По его мнению, такое обучение не способствовало лучшему усвоению православного вероучения среди крещеного инородческого населения региона [9, с. 116]. Данные взгляды нашли отражение в его дневнике (1871 г.), где он отметил, что «преподавание на русском языке делает христианские догматы недоступными “для глубины их души”» (III, л. 168 об. (л. 158 об.))¹.

¹ Е.А. Маловым была допущена ошибка в нумерации листов, поэтому здесь и далее в скобках будут указаны листы в соответствии с нумерацией Е.А. Малова.

Миссионерские записки 60–70-х годов также показывают, что в светских и церковных кругах не было единого понимания методов русификации новокрещенных. Е.А. Малов, как и Н.И. Ильминский, рассматривал русификацию как основу укрепления православного самосознания нерусского населения: «Николай Иванович смотрит на дело обрусения гораздо глубже, психологичнее: он заботится сделать инородцев единомысленными с русскими по религиозным и др[угим] убеждениям и старается вложить этому единомыслию и укрепить его в сознании инородцев» (III, л. 168–168 об. (л. 158–158 об.)). По мнению Е.А. Малова, распространение христианских догматов среди инородцев позволит им не бояться и не чуждаться русского языка (III, л. 168–168 об. (л. 158–158 об.)). Данный подход Н.И. Ильминского к русификации Е.А. Малов никогда не отрицал, а иногда и защищал от критики светских властей.

Остальные методы русификации Е.А. Малов отвергает, а именно насаждение русского языка среди инородцев. Так, он раскритиковал кавказских миссионеров, которые вводят русский язык, «не заботясь об обрусении понятий верований», т. е. они «мало заботятся проводить в массу туземцев-инородцев посредством их живых народных языков христианскую православную веру и русские убеждения» (III, л. 39 об.). Примерно в это же время (7 апреля 1871 г.) он написал в своем дневнике критические заметки на письмо сибирского миссионера Вениамина (Благодорова). В письме сибирский священнослужитель выразил собственное несогласие с методами и подходами в религиозной политике в Поволжье и предложил казанским священникам и миссионерам, чтобы «не называли крещеных татар крещеными татарами, а называли бы их русскими» (III, л. 164 об.). С этим тезисом Е.А. Малов не согласился, так как считал, что акт крещения не «уничтожает национальность» (III, л. 165 (л. 155)). По мнению миссионера, если называть инородцев непосредственно русскими, «они будут оставлены, как русские коренные, тогда как инородцы требуют постоянного и неослабного пестунства» (III, л. 165 (л. 155)).

Таким образом, в интерпретации Е.А. Малова проект Н.И. Ильминского был русификаторским, предполагавшим сознательное усвоение новокрещеными православного вероучения через народные языки, благодаря чему они должны были приобщаться к русскому языку. Иными словами, ранние дневниковые записи свидетельствуют о том, что казанский миссионер придерживался традиционной точки зрения о роли православия в изменении идентичности нерусского православного населения.

Однако в записках 80-х годов появляются первые критические заметки о Н.И. Ильминском. Так, описывая заседание Братства Святителя Гурия (20 декабря 1884 г.), он упоминает о дискуссии между «братчиками» и Н.И. Ильминским об увольнении полуграмотного учителя-чувашина. Из описаний Е.А. Малова следует, что Н.И. Ильминский не соглашался с увольнением учителя-чувашина и был вообще раздражен данной повесткой собрания. Раздражение Н.И. Ильминского было вызвано его взглядами на назначение в новокрещенских приходах непосредственно самих инородцев. По его мнению, учителя и священники из инородцев способны лучше передать христианское вероучение в отличие от русских: «Русский человек... не может вполне приноровиться к инородцам, хотя бы говорил на их родном языке» [10, с. 9]. Как показывают

дневники, Е.А. Малов не был сторонником этих идей и считал их «крайностью и слабостью» в системе Н.И. Ильминского (IV, л. 69).

Действительно, после смерти Н.И. Ильминского развернулись острые дискуссии о методах дальнейшей реализации данной образовательной системы [11]. В частности, особое внимание уделялось увеличению количества часов преподавания русского языка в инородческих школах и вопросу о традиционном ведении миссионерской деятельности. Тем не менее основной проблемой, в рамках которой велась дискуссия, оставался вопрос о русификации и национальном самосознании инородческого населения.

Необходимо отметить противоречия во взглядах самого Е.А. Малова на систему образования Н.И. Ильминского после смерти «просветителя инородцев». Он никогда открыто не критиковал Н.И. Ильминского и в разговорах со светскими лицами всегда подчеркивал свою причастность к реализации данной системы. А если и критиковал, то непосредственно тех лиц, которые занимались развитием системы инородческого образования (Н.А. Бобровникова, М.А. Машанова, И.А. Износкова и др.). Одним из примеров является разговор Е.А. Малова с профессором-славистом Санкт-Петербургского университета А.С. Будиловичем в 1904 г.¹ А.С. Будилович обратил внимание миссионера на литературу, в которой указывалось, что основной причиной незнания русского языка инородцами является использование системы Н.И. Ильминского: «Николай Иванович Ильминский сделал ошибку, что желал, чтобы инородцы обучались на своем родном языке, и поэтому они не знают русского языка» (V, л. 250). При этом профессор-славист заметил, что Н.И. Ильминский обрусение ставил на второй план, а главным для него было усвоение инородцами христианских догматов. Если со вторым тезисом Е.А. Малов согласился, то вину за незнание русского языка он перекладывает на самих инородцев и тех деятелей, кто в дальнейшем занимался реализацией данной системы: «Виноваты сами инородцы (и заправляющие школами после Николая Ивановича Ильминского), что они инородческий язык сделали не средством только первоначального обучения изучения христианской религии, но... целью образования» (V, л. 250–250 об.). В результате, по мнению Е.А. Малова, инородцам стали не нужны ни русские учителя, ни русские священники.

Таким образом, миссионер указывает на формирование протонационального самосознания инородцев на основе их родных языков и протонациональной интеллигенции, которая ограждает себя от русских учителей, чиновников и священников (V, л. 251). Так, Е.А. Малов описывает проект 1904 г. чувашского священника (о. Рикеев), суть которого заключается в том, чтобы в чувашские приходы «непрерменно были определяемы священниками, псаломщиками и учителями только из самих же крещеных чуваш» (V, л. 251). Как полагает Е.А. Малов, основной целью данного проекта является сепаратизм инородцев. В этом контексте автор записок делает акцент на недостаточном преподавании русского языка в инородческих школах: «Знанию русского языка не придается никакого значения, его считают ненужным» (V, л. 252 об.).

¹ А.С. Будилович с 1905 г. являлся председателем Особого совещания по вопросам образования восточных инородцев.

После издания закона о веротерпимости 1905 г. Е.А. Малов оставил критические замечания на статью А.С. Будиловича о школах, созданных не на основе системы Н.И. Ильминского. А.С. Будилович раскритиковал школы, в которых преподавание велось только на русском языке, поскольку, по его мнению, такие школы не способствовали лучшему пониманию русского языка [12, с. 8]. Е.А. Малов не согласился с данным тезисом, рассматривая обучение на инородческих языках как фактор формирования множества национальностей и разложения «единства России» (VI, л. 69 об.).

Именно статус русского языка и положение священников-инородцев, как показывают миссионерские записки, являлись дискуссионными проблемами в дальнейшей реализации системы Н.И. Ильминского. Особенно ярко это демонстрируют описания дискуссий и споров о распределении материальных средств на собраниях братства Святителя Гурия в конце XIX – начала XX в. Необходимо отметить, что отношение Е.А. Малова к работе данной организации в отмеченный период было негативным, в частности из-за деятельности так называемой партии Н.А. Бобровникова (М.А. Машанов, П.А. Юнгеров, Т.Е. Егоров, И.А. Износков и др.) (VII, л. 110 об.). Несогласие Е.А. Малова с «партией Н.А. Бобровникова», занимавшего в то время пост директора Казанской учительской семинарии, было обусловлено различным видением стратегии реализации программы Н.И. Ильминского.

В записках Е.А. Малова 1897 г. и 1903–1905 гг. отмечается, что «Братство Св. Гурия все материальные средства, какие собираются», расходует «исключительно только на инородческие школы» (V, л. 56), а «прочие стороны миссионерского дела оставлены положительно без внимания» (V, л. 104 об.). В конце 90-х-годов и первом десятилетии XX в. именно эти «прочие стороны» и стали камнем преткновения между некоторыми представителями церкви (Е.А. Малов, архиепископ Дмитрий (Самбикин), Я.Д. Коблов) и советом «Братства», которым практически управлял Н.А. Бобровников. Критика церковников во многом была направлена на взгляды самого Н.А. Бобровникова, который, будучи директором Казанской учительской семинарии, не являлся сторонником традиционных методов миссионерской деятельности. В одной из бесед с Е.А. Маловым он обозначил миссию как утопию (VIII, л. 54), что явно не понравилось казанскому миссионеру. В своих работах Н.А. Бобровников доказывал исключительную важность школ для христианского образования инородцев и вредность традиционных методов миссионерской деятельности [13].

Другая же часть церковников, к которой относился и сам Е.А. Малов, придерживались иной точки зрения на реализацию конфессиональной политики. Как показывают миссионерские записки, Е.А. Малов предлагал расходовать деньги братства не только на школы, но и на другие миссионерские задачи, а именно на «пособия новокрещенным и на издание брошюр, хотя небольшого размера, против мухаммеданства» (VII, л. 111). Помимо этого, миссионер крайне скептически относился к утверждению, что священниками в инородческих приходах могут быть только инородцы. В своих записках Е.А. Малов всячески подчеркивал слабую подготовленность священников и учителей из числа инородцев (IX, л. 9 об.). По мнению американского историка Роберта Джераси, церковная оппозиция по отношению к самому Н.А. Бобровникову была вызвана

еще и тем, что он не был выпускником Казанской духовной академии и тем самым был мало связан с церковными кругами, в отличие от его предшественника Николая Ивановича Ильминского [4, с. 280]. Историки Р.Р. Исхаков и Р. Джераси, анализируя дискуссии вокруг инородческих школ, едины во мнении, что церковные власти стремились к большему контролю над этими образовательными учреждениями [2, с. 171; 4, с. 275–321].

Необходимо отметить, что проблема назначения священников волновала не только Е.А. Малова, но и Казанское земство. Так, в 1908 г. Казанское земство предложило проект финансирования инородческих школ, однако при условии, чтобы «учителями братских инородческих школ непременно были русские, знающие инородческие языки» (IX, л. 46 об.). При обсуждении проекта на заседании братства Е.А. Малов сделал доклад о самоизоляции священников из крещеных татар от русских священников: «Мне сказывали, что священники из крещеных татар уговариваются не иметь никаких связей с священниками из русских, будто все враги им, татарам» (IX, л. 50+1).

Помимо этого, Е.А. Малов опубликовал в своих записках некоторые доклады Казанского губернского земского собрания. В этих материалах, с одной стороны, подчеркивается приверженность к системе Н.И. Ильминского, а с другой – критикуются инородческие школы. При этом основное внимание земства было уделено незнанию крещеными инородцами русского языка, недостаточному изучению русского языка в школах и нехватке русских учителей. Такое положение дел в инородческих школах, по их мнению, приводит к тому, что у инородцев формируется чувство «самоопределения», что «способствует развитию инородческого сепаратизма» (IX, л. 58–59). Необходимо отметить, что наличие этих докладов в миссионерских заметках свидетельствует о том, что и сам Е.А. Малов придерживался данной точки зрения. Безусловно, опасения казанского миссионера и земства о развитии национального самосознания не были необоснованными. Исследования американского историка П. Верта показали, что часть крещеного неправославного населения Поволжья, а именно крещеные татары, хотели сформировать собственную национальную идентичность, которая была бы отлична как от татар-мусульман, так и от русских [14, с. 94]. Тем не менее они не стремились к конфронтации с русским населением и имперскими властями или к сепаратизму, а пытались представить себя полноценной и самостоятельной национальной группой, которая не является объектом приложения русификаторских целей российских имперских властей или исламского влияния.

Таким образом, миссионерские записки показывают ряд изменений в восприятии религиозной политики в российском обществе. Безусловно, конфессиональная политика в представлениях светских и церковных властей была связана с проблемой интеграции нерусского православного населения с русским населением и русификацией. На наш взгляд, главной проблемой, отраженной в дневниках, является вопрос о потенциале православия быть инструментом ассимиляции или аккультурации крещеного нерусского населения. Ранние дневниковые записи Е.А. Малова свидетельствуют о его поддержке образовательных методов Н.И. Ильминского и его идей о христианском единении крещеного нерусского населения с русским. Кроме того, они также указывают, что

вопросы национализма не интересовали ни казанского миссионера, ни Н.И. Ильминского, так как ключевой проблемой были многочисленные случаи вероотступничества. Поздние дневники (1900-х годов) автора свидетельствуют об изменении представлений миссионера по данному вопросу. Е.А. Малов уже был склонен к необходимости большей языковой ассимиляции, что было связано с определенным ростом национализма среди нерусского крещеного населения. Теперь для Е.А. Малова основной проблемой были не столько отпадения от православия, сколько отчуждение некоторых крещеных нерусских этнических групп от русского населения.

Summary

A.V. Krestyaninov. E.A. Malov's Missionary Diaries: Implementation of Religious Policy in the Volga Region in the Late 19th – Early 20th Century.

In this article, we consider the unpublished diaries of missionary E.A. Malov and examine his views on the implementation of religious policy in the Volga Region over the late Imperial period. The diaries show the evolution of the Kazan missionary's ideas about religious policy, and reflect the contradictory interpretations of Ilminskii's system, which existed in secular and church circles of Russian society. Based on these diaries we can describe how approaches to confessional policy depended on discussions about the necessity of Russification of non-Russian Orthodox population in the Volga Region of the Russian Empire.

Keywords: E.A. Malov, system of N.I. Ilminskii, religious policy, missionary diaries, christened non-Russians, missionary policy.

Источники

- I – Дело об увольнении бакалавра Е.А. Малова в деревню Елышево // НА РТ (Национальный архив Республики Татарстан). Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 2557.
- II – О командировании приват-доцента Машанова в деревню Никифорова Мамадышского уезда с миссионерской целью, и протоиерея Малова в село Апазово Казанского уезда с той же целью // НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 7473.
- III – Миссионерские заметки священника г. Казани церкви Богоявления Господня Евфимия Малова. – Ч. 2. 1869–1871 // ОРРК НБЛ (Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки имени Н.И. Лобачевского Казанского университета). Ф. 7. Ед. хр. 14.
- IV – Миссионерские заметки протоиерея Малова Е.А. 1884 и 1885 // ОРРК НБЛ. Ф. 7. Ед. хр. 16.
- V – Миссионерские беседы с мухаммеданами и другие материалы. 1903–1905 // ОРРК НБЛ. Ф. 7. Ед. хр. 8.
- VI – Миссионерские беседы с мухаммеданами протоиерея Е.А. Малова. 1905 и 1909 // ОРРК НБЛ. Ф. 7. Ед. хр. 9.
- VII – Миссионерские заметки протоиерея Е.А. Малова по мухаммеданству. 1897 (кн. 2) и 1898 // ОРРК НБЛ. Ф. 7. Ед. хр. 11.
- VIII – Миссионерские беседы протоиерея Малова с мухаммеданами. 1902 (продолж.) и 1903 // ОРРК НБЛ. Ф. 7. Ед. хр. 7.
- IX – Миссионерские заметки по мухаммеданству и о язычниках. Протоиерея Е.А. Малова (с августа 1907 г. – 1912) // ОРРК НБЛ. Ф. 7. Ед. хр. 12.

Литература

1. *Ислаев Ф.Г.* Ислам и православие в Поволжье XVIII столетия: от конфронтации к терпимости. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. – 219 с.
2. *Исхаков Р.Р.* Миссионерство и мусульмане Волго-Камья (последняя треть XVIII – начало XX в.). – Казань: Тат. кн. изд-во, 2011. – 222 с.
3. *Werth P.W.* At the Margins of Orthodoxy: mission, governance, and confessional politics in Russia's Volga-Kama region, 1827–1905. – Ithaca; London: Cornell Univ. Press, 2002. – 275 p.
4. *Джераси Р.* Окно на Восток: империя, ориентализм, нация и религия в России / Пер. с англ. В. Гончарова. – М.: Нов. лит. обзор., 2013. – 548 с.
5. *Малов Е.А.* О таинственной книге Гиллион (против мухаммедан и евреев). – Казань: Тип.-лит. Имп. ун-та, 1893. – 50 с.
6. *Малов Е.А.* Приходы старокрещенных и новокрещенных татар в Казанской епархии. – М.: Унив. тип., 1866. – 87 с.
7. *Ильминский Н.И.* Из переписки по вопросу о применении русского алфавита к инородческим языкам. – Казань: Тип. Имп. ун-та, 1883. – 47 с.
8. *Brooks J.* When Russia learned to read: literacy and popular literature, 1861–1917. – Princeton, N. J.: Princeton Univ. Press, 1985. – 449 p.
9. *Малов Е.А.* О новокрещенских школах в XVIII в. – М., 1868. – 123 с.
10. *Ильминский Н.И.* Из переписки об удостоении инородцев священнослужительских должностей. – Казань: Тип. В.М. Ключникова, 1885. – 20 с.
11. *Лупаков Е.В.* Борьба вокруг системы Н.И. Ильминского в конце XIX – начале XX в. // Материалы науч.-практ. конф. «Этнические и конфессиональные традиции кряшен: история и современность». – Казань, 2001. – С. 71–78.
12. Труды Особого совещания по вопросам образования восточных инородцев / Под ред. А.С. Будиловича. – СПб.: Тип. Э.Л. Пороховщиковой, 1905. – ЛП, IV, 366 с.
13. *Бобровников Н.А.* Нужны ли так называемые противомусульманские и противоязычные епархиальные миссионеры в губерниях Европейской России? (По поводу отчета Казанского епархиального миссионера. – Изв. Казан. Епархии. – 1904. – № 42–46). – Казань, 1905. – 18 с.
14. *Верт П.* Из «язычников»-мусульман в «крещеные» коммунисты: религиозное обращение и этническое своеобразие в восточных губерниях Европейской России // Верт П. Православие, инославие, иноверие: очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи / Пер. с англ. Н. Мишаковой, М. Долбилова, Е. Зуевой. – М.: Нов. лит. обзор., 2012. – С. 93–116.

Поступила в редакцию
28.10.13

Крестьянинов Артем Валентинович – аспирант кафедры историографии и источниковедения, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.
E-mail: artkres@mail.ru